**Заслуженный
артист РСФСР
Владимир
ДРУЖНИКОВ:**

Очень часто от киноактеров, создавших в свое время в кино тот или иной образ, можно услышать слова сожаления: «Вот если бы я сейчас играл эту роль, то...». Актерам, да и не только им — в равной степени это относится и к режиссерам, писателям, художникам — знакомо тревожное чувство, когда созданная тобой роль или книга обретает самостоятельную жизнь и ты уже не в силах ни изменить, ни исправить собственное творение. Смотришь старые работы и думаешь: «Эх, здесь не дотянул, тут проглядел, а вот здесь можно было бы...». Да что говорить, годы делают автора подчас самым строгим критиком своих работ.

Мне знакомо это чувство, скажу более, я очень критически отношусь к своим ролям в кино — ко всем, кроме одной. Это роль Григория Незнамова в фильме «Без вины виноватые». Нет, нет, я не собираюсь утверждать, что работа моя безупречна. Даже мыслей таких у меня нет. Но анализировать, разбирать ее со стороны я не могу даже сегодня, хотя с момента съемки прошло уже более двадцати лет. Эта роль для меня — как первая любовь, которая всегда кажется самой чистой, самой прекрасной. И что бы ни случилось с нами в жизни, первое чувство всегда остается светлым воспоминанием.

«Без вины виноватые», пожалуй, самая популярная драма Островского. Она ставилась на сценах очень многих теат-

Сов. кулет. 1973, №29, 10/16

ПРАЗДНИК ДЛЯ АКТЕРА

ров. В этом произведении раскрылись лучшие качества таланта Островского — драматурга: умение проникать в глубь души человека, улавливать его чувства. А как прекрасно, с каким знанием человеческой психологии, как тонко выписаны здесь все образы! О роли такого масштаба, такого накала чувств и страстей, как роль Незнамова, можно только мечтать. Однако, скажу откровенно, в те годы для меня, студента Школы-студии МХАТа, она казалась столь недостижимой, что я и думать о ней не позволял себе.

Никаких контактов с кино у меня также не было. И даже во сне мне не могло присниться такой — сыграть героя в знаменитой пьесе Островского, работать рядом с такими мастерами, как Тарасова, Грибов, Ливанов, Массальский... Я и по сей день не понимаю, почему режиссер Владимир Михайлович Петров остановил свой выбор на мне.

Долго у меня ничего не получалось. До сих пор помню чувство даже не стыда, скорее ужаса, которое испытывал я оттого, что из-за меня, из-за моего неумения режиссер составляет моих прославленных партнеров снова и снова по-

вторять сцену. Очень мешала мне, совершенно сбивала с толку непоследовательность съемок, когда сначала снимали конец, а потом начало пьесы...

Очень помогли мне на съемках старшие товарищи. До сих пор помню тихие, чтобы не услышал режиссер, замечания Грибова: «Ты, голубчик, эту фразу не болтай, а скажи спокойно, с паузами. Вот так...» И он прекрасно, просто удивительно здорово проговаривал мой текст. Очень трудной была сцена «узнавания» — встречи матери с сыном. Делаем один дубль, второй... пятый... Вдруг Алла Константиновна Тарасова отозвала меня в сторону и говорит: «Все правильно, все верно. Но вы только представьте себе: сын встретил мать, самого дорогого, самого родного человека...». И с такой задушевностью, с такой убедительностью и теплотой звучали ее слова, что у меня просто слезы на глаза навернулись. Мы сняли еще несколько дублей.

Через несколько дней встречаю Аллу Константиновну в коридоре студии, она только что посмотрела отснятый материал. Идет и смеется. Я спрашиваю: «Какой дубль ото-

брали?» А она лукаво улыбается и говорит: «Наш». Тот самый, который сняли после нашего «собеседования».

Много воды утекло с той поры. Много довелось мне работать у разных режиссеров, на разных студиях, с разными партнерами. Были и очень интересные роли, были творческие встречи, обогатившие душу. Но такой роли, такой глубины, такой многогранности, наполненности и человеческой значимости, какими обладала моя роль в пьесе Островского, мне более не встретилось...

Сейчас модно спорить о том, что современно и что несовременно в драматургии. Я лично не сторонник подобных дискуссий, мне кажется, что иногда «поиски современности» попросту скрывают отсутствие профессионального мастерства. Разве не самый убедительный пример «современной драматургии» дает нам Островский?

Сравнительно недавно в Театре им. Вахтангова я видел спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Это, на мой взгляд, один из самых любопытных спектаклей последнего времени. И хотя поставлен он по пьесе, которой около ста лет, но вполне соответствует определению «современного спектакля». В нем весь Островский — тонкий знаток человеческой психологии, лукавый и остроумный собеседник, неутомимый выдумщик, прекрасный драматург.

После Незнамова мне ни разу не довелось играть Островского. Но я не теряю надежды. И, знаете, меня даже мало волнует вопрос, какая это будет пьеса, какую роль я буду играть, потому что у Островского все роли хороши. Встреча с этим драматургом — всегда праздник для артиста.